

СТАТЬИ

© 1991 г.

В. Р. Филиппов

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Очевидно, что рассматривать историю изучения самосознания конкретного народа целесообразно в связи с теоретическим осмыслением феномена этнического самосознания в целом. Однако у нас нет необходимости останавливаться на анализе основных этапов становления теории этнического самосознания в советской науке, поскольку этому сюжету посвящен специальный обзор Р. Ш. Джарылгасиновой¹. Относительно же изучения этнического самосознания русских следует сказать, что имеется значительное число работ, авторы которых с разной глубиной и под разным углом зрения касались интересующего нас предмета. Краткий обзор таких работ и составляет содержание данной статьи.

Как объект познавательного интереса этническое самосознание русского народа выступает с начала эпохи русского Просвещения. Воспитание национальной гордости соотечественников было лейтмотивом трудов М. В. Ломоносова² по русской истории. Выдающийся ученый положил начало традиции, подхваченной и развитой просветителями второй половины XVIII в. Формирование общественного мнения, воспитание национального достоинства, противодействие «офранцузиванию» русской знати занимают значительное место в публицистическом творчестве Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева³.

Преемниками идей просветителей в начале XIX в. стали декабристы. Эта плеяда философов-революционеров отражала подъем русского национального самосознания, начавшийся после Отечественной войны 1812 г., когда «русскому народу пришла смертная охота к своему, родному, доморощенному»⁴. Вслед за А. Н. Радищевым декабристы проповедовали, что крепостное право есть постоянное унижение национального достоинства всякого русского, и возмущались тем, что просвещенная часть общества «не видит своего унижения в рабстве народном»⁵.

Прямым продолжателем традиций русского Просвещения был П. Я. Чаадаев, без творчества которого «нельзя оценить своеобразие развития национального самосознания первой половины XIX в.»⁶. Именно он положил начало двум важнейшим общественно-политическим течениям, в рамках которых в прошлом столетии обсуждался вопрос о самобытности русского народа. А. А. Григорьев справедливо отметил, что в «„Философических письмах“ впервые неотвлеченно поднят был вопрос о значении нашей народности, самости, особенности»⁷. Действительно, во взглядах П. Я. Чаадаева скептицизм и неприятие исторического прошлого русского народа⁸ сочетались с верой в его особое предназначение, мессианскую роль России в будущем Европы⁹.

Последняя мысль легла в основу теоретических построений славянофилов. Как особое направление русской общественной мысли славянофильство оформилось в 30-е годы XIX столетия. Создатели общества «Любомудров» патриархи славянофильства Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский «считали становление самосознания самой насущной умственной потребностью России»¹⁰. В национальном самосознании, развившемся до обобщений философ-

ского уровня, ранние славянофилы видели путь к достижению национальной самобытности, созданию своей культуры и искусства¹¹.

Славянофилы второго поколения — К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, А. А. Григорьев и др., публицистическая деятельность которых приходится на 40—50-е годы прошлого столетия, восприняли от своих предшественников мысль об особом пути развития России, идею преобразования русского общества на народных, самобытных началах. Но если основоположники этого течения говорили о народных началах вообще, то славянофилы второго поколения конкретизировали эту мысль, считая, что в послепетровской Руси только крестьянская масса (у А. А. Григорьева еще и купечество) выступает хранительницей извечных самобытных черт и традиций, носительницей, по выражению К. С. Аксакова, «самостоятельного русского воззрения»¹². Однако это не мешало И. С. Аксакову утверждать, что вплоть до начала деятельности славянофилов «русская мысль не вчинала подвига народного самосознания»¹³.

Как самостоятельное общественное движение славянофильство существовало до начала 60-х годов XIX в. Со смертью своих идеологов и главных деятелей оно перестает быть идейно и организационно цельным. Внося существенный вклад в становление и осмысление русского национального самосознания, это движение в пореформенный период приходит в упадок. В эпоху, когда консервативная пресса активно пропагандировала уваровскую формулу «православие, самодержавие, народность», эпигоны славянофильства открыто встали на позиции крайнего шовинизма. Значительно позже, в начале XX в., идеи славянофилов вновь будут подняты на щит русской либеральной интеллигенцией, однако об этом — ниже. Сейчас, для того чтобы избежать односторонности в освещении историографии русского национального самосознания, необходимо вновь вернуться к первой половине XIX в., к истокам второго направления русской общественной мысли — западничества.

Многие идеи западников берут начало в творчестве просветителей, находят прямые параллели в публицистике декабристов. Идеологи этого направления — А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др. — видели начало подлинной истории России в петровских преобразованиях, приветствовали распространение европейской образованности, неразрывно связывали национальное и социальное самосознание. В отличие от славянофилов западники не склонны были идеализировать ни историческое прошлое России, ни нравственные качества русского народа. Однако это не мешало им противостоять денационализации верхушки русского общества, утрате чувства национального достоинства.

Зарождение русского национального самосознания как оскорбленного народного чувства, как противодействия иностранному влиянию А. И. Герцен связывал с петровскими временами. Война 1812 г., по его мнению, сильно развила это чувство, но патриотизм этого времени уже не имел прежнего старобрядчески-славянского характера. В последующие времена николаевской реакции национальное самосознание выродилось, по словам А. И. Герцена, в циничную лесть, пошлый загоскинский патриотизм; результатом происшедшей эволюции стала поднятая монархистами хоругвь православия, самодержавия и народности¹⁴. Западники противопоставили официальной доктрине народности патриотизм русских крестьян, считая, что «национальная физиономия русского народа всего более сохранилась в низших слоях общества»¹⁵.

Отдавая должное классическим славянофилам за их демократизм и искреннее стремление к национальной самобытности, революционные демократы, в частности Н. Г. Чернышевский, резко критиковали выдвинутую эпигонами этого учения идеологию «панславизма» как скрытое проявление великорусского шовинизма¹⁶.

Оценивая роль западников в разработке вопроса о русском национальном самосознании, следует особо сказать об А. Н. Пыпине — первом историографе

отечественной этнографии. В своем классическом труде он рассматривает становление и развитие этнографии в тесной связи с развитием всех гуманитарных наук в России, видя в «новейшей образованности могущественное побуждение и средство к достижению того национального самосознания, которое одно может обещать полноту народного развития»¹⁷. Излагая взгляды того или иного автора, А. Н. Пыпин, как правило, оценивает, с одной стороны, его вклад в становление отечественного самосознания, а с другой — роль в изучении и осмыслении этого феномена. Кроме того, ученый предпосылает своему труду введение, которое специально посвящено истории становления русского самосознания. Полемизируя со славянофилами, А. Н. Пыпин доказывает, что «древняя Русь и старая московская Россия не имели того самосознания, о котором мы говорим, не были готовы к понятию народной цельности вследствие порабощения народных масс»¹⁸, а также вследствие феодальной раздробленности, локальности самосознания; даже в XV—XVII вв. «народ еще не вполне выказал свое самосознание»¹⁹. Только с Петра, по мнению А. Н. Пыпина, «начинается новейший период русского национального самосознания»²⁰.

Для всей идеологии западничества весьма характерно если не противопоставление, то, во всяком случае, дифференциация национального и социального самосознания. Почти все представители этого направления не допускали мысли о том, чтобы в России, «в которой каждое сословие, даже каждый кружок живут отдельной жизнью, имеют свои особые цели и стремления... обнаружилось стремление соединиться с целой нацией в одной общей идее»²¹.

Эта традиция противопоставления общерусского национального и сословного, классового самосознания найдет в дальнейшем свое выражение в программных документах народничества²² и несколько позже, в конце XIX — начале XX в., в работах русских марксистов.

Разрабатывая теоретическую основу программы РСДРП по национальному вопросу, В. И. Ленин высказывался против подмены классового самосознания национальным, стремясь не допустить, «чтобы самосознание сторонников свободы и врагов угнетения во всех народностях подменялись русским национальным самосознанием»²³. Однако приведенное высказывание не должно создавать иллюзии, будто В. И. Ленин отрицал объективность феномена национального самосознания. Нельзя забывать, что политическая необходимость побуждала РСДРП бороться за сплочение интернациональных сил в России, и в тот момент «толковать о национальном чувстве, как самостоятельном факторе, значило только замазывать сущность дела»²⁴. Очевидно, что В. И. Ленин вовсе не отрицал существования общенациональных ценностей, лежащих в основе русского национального самосознания; вспомним, например, его высказывание: «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет!»²⁵.

Вследствие отмеченной В. И. Лениным остроты национального вопроса в России в начале века (особенно после русско-японской войны и поражения первой российской революции) проблема национального самосознания активно обсуждалась в русской историко-социологической литературе²⁶. Прежде всего это касается либеральной интеллигенции, вновь обратившейся к идеям славянофильства. Д. С. Мережковский по этому поводу удачно заметил: «Наши современные славянофилы все ищут ощупью и никак не могут найти „национальное лицо“ России: там, где должно быть лицо, черт знает что»²⁷.

Причиной, побудившей либеральную интеллигенцию заняться поисками «национального лица», стало пробуждение национальных окраин империи. По словам В. Голубева, тогда, «когда недержавные национальности стали самоопределяться, явилась необходимость самоопределения и для русского человека»²⁸. Несмотря на бурную полемику вокруг национального вопроса, либералы были единодушны во мнении, что за годы первой российской революции «выросло наше национальное русское чувство»²⁹. Обвиняя русскую интеллигенцию в том, что она слишком долго страдала космополитичностью, неосла-

вянофилы склонны были именно в этом видеть «причину бессилия русского освободительного движения»³⁰.

В той или иной степени славянофилы склонялись к мысли об особом общечеловеческом значении русского народа. Своеобразное теоретическое обоснование этому воззрению было предложено В. С. Соловьевым, который, стремясь возродить доктрину классического славянофильства, представлял русский народ как носителя идеи всемирной церкви. Его труды, посвященные национальному вопросу, фактически служат обоснованием положения, согласно которому славянофилы, «признавши православие вселенской церкви за высшее начало нашей жизни... положили истинное основание нашему национальному самосознанию»³¹.

Помимо публицистических статей к началу XX столетия относятся два научных исследования, специально посвященных русскому национальному самосознанию; на них следует остановиться подробнее.

Автор первого — юрист и социолог, профессор Казанского университета В. В. Ивановский. В его трактовке национальное самосознание есть «сознательный патриотизм... приобщение каждого гражданина в духовном смысле к своей нации»³². Ученый считал, что «надлежащее развитие этого чувства порождается какой-либо внешней опасностью для физической целостности государственного организма»³³, и как пример приводил взлет русского самосознания во время татарского ига, смутного времени, Отечественной войны 1812 г., «когда народ общественными бедствиями был вполне подготовлен к живому проявлению в его среде политического и национального самосознания»³⁴. Во взглядах автора сказывается влияние славянофильства, в частности в отношении к интеллигенции, которая, как считал В. В. Ивановский, «значительно уклонилась от русла народной жизни, изменила и свой язык, и свои нравы, и свои обычаи, и весь обиход на заграничный манер, что в свою очередь задержало развитие национального самосознания у простой крестьянской массы»³⁵. С другой стороны, в отличие от эпигонов славянофильства, В. В. Ивановский чужд идее национальной исключительности русского народа и отстаивает «признание за каждым народом его индивидуальности, права владения национальной собственностью в сфере психической и бытовой»³⁶. Ученый напоминает о том, что так называемый «инстинктивный патриотизм приводит народы к чванству, самомнению, самопревозношению, трескучему, тупому национальному тщеславию»³⁷.

Но более всего труд В. В. Ивановского заслуживает внимания потому, что, анализируя структуру «сознательного патриотизма», ученый приходит к вычленению в национальном самосознании таких элементов, как патриотизм, чувство национальной гордости, любовь к истории своего народа, его религии, народному творчеству, профессиональной культуре, языку, а также природе своего Отечества³⁸. Отметим, что исследователь во многом предвосхитил взгляды советских этносоциологов на структуру изучаемого нами феномена³⁹.

Второе исследование, посвященное русскому самосознанию и написанное в начале XX столетия, принадлежит перу ректора Варшавского университета, видного русского психиатра П. И. Ковалевского. По мнению этого ученого, «национальное самосознание есть акт мышления, в силу которого данная личность признает себя частью целого,... есть вид общественного самосознания народа, есть сознание солидарности наших личных потребностей и задач с известной народностью»⁴⁰. Его взгляд на историю становления русского самосознания весьма отличен от взгляда В. В. Ивановского и сводится к следующему: «Во времена монгольского ига национализм (этот термин употребляется как синоним национального самосознания.— В. Ф.) в России был подавлен,— напротив, после смутного времени он вспыхнул и оживился. Во времена крепостного права рабам было не до Родины и нации,— напротив, после 17 октября национализм вспыхнул очень ярко во всей России..., однако то, что было дано верховной властью, шаг за шагом урезывалось бюрократией, национализм

стушевывается»⁴¹. В развитии капитализма монархист и славянофил П. И. Ковалевский видел угрозу для русского национального самосознания, поскольку «для банковских деятелей, спекулянтов, кулаков нет ни нации, ни Родины, ни государства...»⁴². В создании Государственной Думы П. И. Ковалевский видел высшее выражение национального самосознания, а П. А. Столыпин, по его мнению, «не только исполнитель народного национализма, но его создатель и направитель»⁴³. Наряду с явным политическим консерватизмом взгляды этого ученого страдали еще и великодержавным шовинизмом. Ярче всего это проявилось в выделении им особого вида «русского национализма — национализма державного». Такую державность русской нации, с его точки зрения, дают «права имущественные, права культурного превосходства, права победителя»⁴⁴.

Несмотря на явную реакционность взглядов П. И. Ковалевского, его работа представляет для нас определенный интерес, так как в ней мы находим, во-первых, трактовку этнического самосознания как совокупности сознательных и бессознательных элементов, во-вторых, оценку этого вида самосознания как феномена массового сознания — точка зрения, разделяемая некоторыми советскими исследователями⁴⁵.

Указанные работы В. В. Ивановского и П. И. Ковалевского являются фактически первыми попытками научного анализа русского национального самосознания. Несколько позже, уже в советское время, была опубликована брошюра академика Д. Н. Овсяннико-Куликовского, в которой он также касается интересующего нас вопроса.

Исходя из того, что «национальная психологическая подоплека мышления проявляется не в сознании, а в так называемой бессознательной сфере психики»⁴⁶, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, с одной стороны, считал язык единственным индикатором национальных особенностей психики, делающим возможным ее изучение, а с другой — видел в нем «орган национальной психики»⁴⁷, оказывающий важнейшее влияние на ее формирование. Исходя из этого, он утверждал, что «человек, родившийся в России от русских родителей, но выросший и воспитанный во Франции, утратил лингвистическую связь с отечеством, — он может оказаться русским подданным и даже быть русским патриотом, но по языку и по национальности он — француз»⁴⁸. С приведенным суждением трудно согласиться, так как можно привести примеры того, что потеря языка далеко не всегда ведет к денационализации (например, шотландцы, в значительной мере ирландцы и т. д.).

Брошюра Д. Н. Овсяннико-Куликовского была последней в отечественной науке этого периода работой, посвященной интересующему нас вопросу. В последующие два десятилетия по известным причинам изучение проблематики, связанной с русским национальным самосознанием, прервалось. Появление в 1945 г. работ В. В. Мавродина и Д. С. Лихачева стало возможным лишь вследствие того, что в период Великой Отечественной войны сталинская пропаганда вынуждена была апеллировать к героическим моментам отечественной истории, чувству патриотизма, к русскому национальному самосознанию.

В книге В. В. Мавродина, посвященной образованию Древнерусского государства, существенное место занимает проблема формирования русского этноса. Автор приходит к выводу, что наряду с языком национальное самосознание явилось решающим фактором становления древнерусской народности⁴⁹. Большое значение для нашей темы имеет мысль ученого о том, что процесс формирования компонентов национального самосознания тесно связан с функционированием отдельных признаков этноса.

Исследование Д. С. Лихачева⁵⁰ имело целью выяснение генезиса и развития русского самосознания в XI—XVII вв. на основе всех доступных ученому источников: древнейшей устной эпической поэзии, русских летописей, описаний паломничеств, произведений древнерусской литературы, а также памятников изобразительного и монументального искусства. При всех несомненных достоин-

ствах работы (к ним нужно отнести прежде всего доскональное знание материала и бережное обращение с ним), она представляет собой скорее обзор по истории русской культуры этого периода, нежели исследование феномена самосознания. При прочтении монографии становится очевидным тот факт, что в основе научного анализа этнического самосознания должна лежать специальная теория, объясняющая структуру и функционирование этого важнейшего элемента этноса. И в наше время такая теория не приобрела еще достаточно стройных очертаний⁵¹, тогда же, когда Д. С. Лихачев писал свою работу, ее просто не существовало. Тем не менее его исследование имело большое значение, поскольку оно фактически положило начало изучению феномена этнического самосознания в советской науке.

Перу Д. С. Лихачева принадлежит, кроме того, культурологическое эссе «Заметки о русском». Сам автор видел смысл заметок «в полемике с... представлением о русском национальном характере как о характере крайности и бескомпромиссности, „загадочном“ и во всем доходящем до пределов возможного и невозможного (и, в сущности, недобром)»⁵². Вместе с тем в краткой вступительной статье ученый предупреждает, что эта работа не результат проведенных исследований, а в известном смысле субъективное, «индивидуальное восприятие национального»⁵³.

К сожалению, при общем повышении интереса к проблемам национального самосознания с середины 60-х годов⁵⁴, советские этнографы мало внимания уделяют изучению этнического самосознания русского народа.

В 1972 г. была опубликована статья К. В. Чистова, в которой он на русском этнографическом материале показал, что в силу гетерогенности сознания человека этническое самосознание сосуществует с другими проявлениями самосознания: сословным, конфессиональным, профессиональным и т. д., во многом определяется ими и само по себе имеет многоуровневую структуру⁵⁵.

В развернутом виде эти идеи изложены в вышедшей в 1986 г. монографии К. В. Чистова, обобщающей его исследования русского фольклора (последний рассматривается при этом как интегрированная форма выражения этнического самосознания)⁵⁶. В контексте нашего исследования особенно важно понимание этнического самосознания как осмысления экономических, социальных, политических, религиозных и других связей⁵⁷.

Одновременно с работой К. В. Чистова появилось исследование М. М. Громыко, посвященное традиционной соционормативной культуре русских крестьян XIX в., выполненное в русле решения общей задачи разностороннего изучения народных традиций в связи с этническим самосознанием⁵⁸. Из многочисленных и разнообразных проявлений соционормативной культуры крестьянства автором выделены те, которые имели наиболее определенную и зафиксированную в общественном сознании структуру обычая.

В 1987 г. была защищена кандидатская диссертация А. В. Буганова, посвященная одному из аспектов национального самосознания русских крестьян в XIX в.⁵⁹ В этой работе на основе данных исторического фольклора анализируется такой существенный элемент национального самосознания, как представления об общности исторического прошлого. Избрав темой работы взаимосвязь исторических представлений и национального самосознания, автор стремился вычлнить те исторические факты и события, которые осознавались крестьянами как события общенационального масштаба. На фольклорном материале А. В. Буганов дифференцирует различные таксономические уровни самосознания крестьянства: региональное (локальное, субэтническое), национальное (этническое), общеславянское (метаэтническое). В диссертации показано, что в народном сознании выделялись и сохранялись наиболее значительные с точки зрения крестьянства исторические события, в первую очередь войны, так как именно «в эти периоды истории наиболее интенсивно шел процесс осмысления общенациональных задач и интересов»⁶⁰. Автор зафиксировал определенные хронологические смещения в исторической памяти крестьянства, кото-

рые он объясняет спецификой народного осмысления исторического процесса. Что касается иерархии типов общественного сознания, то в диссертации сделан вывод о том, что «местная историческая традиция, как правило, пролегла в русле общерусской, что способствовало их взаимному укреплению»⁶¹.

Наконец, в вышедшем в 1987 г. капитальном труде «Этнография восточных славян», в разделе, посвященном этнокультурной истории восточнославянских народов (Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов), высказывается точка зрения относительно времени становления великорусского национального самосознания. Его формирование авторы относят к XIV—XV вв., уточняя при этом, что становление русского этнического самосознания в указанный период «еще не означает, что сформировавшаяся к этому времени русская народность была внутренне однородна»⁶².

Рассмотренными работами фактически исчерпывается список исследований, в той или иной степени затрагивающих вопросы русского этнического самосознания. Нужно сделать оговорку, что в этот краткий историографический обзор не включены художественные произведения русской классической литературы. Вместе с тем очевидно то значение, которое имело творчество А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и др. для формирования русского национального самосознания. Выяснение того, как отразился в сочинениях русских писателей процесс становления общественного самосознания, должно стать предметом специального изучения.

Подводя итоги, отметим, что проблема генезиса и развития этнического самосознания русских изучена пока весьма фрагментарно. В литературе высказывались определенные суждения об основных этапах становления русского национального самосознания (А. И. Герцен, А. Н. Пыпин, В. В. Ивановский, П. И. Ковалевский, Д. С. Лихачев, Ю. В. Бромлей, К. В. Чистов, А. В. Буганов), выдвигались различные точки зрения по поводу тех или иных социальных групп, являющихся носителями великорусского сознания (К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. А. Григорьев, В. Г. Белинский, Н. П. Огарев, П. Л. Лавров, В. И. Ленин, В. В. Голубев, П. В. Струве, П. Н. Милюков), обсуждался вопрос о соотношении национального и социального самосознания русских (А. Н. Радищев, В. К. Кюхельбекер, Н. А. Добролюбов, В. И. Ленин), рассматривались как отдельные компоненты русского самосознания (Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков, В. С. Соловьев), так и структура этого феномена в целом (В. В. Ивановский). Теоретическое осмысление некоторых аспектов интересующей нас проблемы включает в себя вопросы о соотношении сознательного и бессознательного в структуре самосознания (П. И. Ковалевский, Д. Н. Овсяннико-Куликовский), о соотношении национального самосознания с другими видами самосознания личности (К. В. Чистов), о взаимодействии изучаемого феномена с отдельными элементами этнической культуры: фольклором (К. В. Чистов) и соционормативной культурой (М. М. Громыко).

Осмысление данного феномена велось зачастую в ретроспективном, историческом плане и, как правило, затрагивало лишь отдельные элементы этой сложной системы. Ее современное состояние и функционирование, взаимодействие с элементами структуры этноса, выраженность (интенсивность) национального самосознания в зависимости от социально-демографических характеристик его носителей пока не стали предметом специальных исследований.

Примечания

¹ Джарылгасинова Р. Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке // Сов. этнография (далее — СЭ). 1987. № 4. С. 9—21.

² Ломоносов М. В. Замечания на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение и имя народа Российского» // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 15, 40—42.

³ Новиков Н. И. О великости духа русских людей // Новиков Н. И. Избр. соч. М.; Л., 1951. С. 873.; Фонвизин Д. И. Рассуждения о национальном благочестии // Фонвизин Д. И. Собр. соч.

Т. 2. М.; Л., 1959. С. 297, 307, 308; *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости // *Карамзин Н. М.* Избр. соч. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 282, 283; *Радищев А. Н.* Беседа о том, что есть сын Отечества // *Русская проза XVIII века.* Т. 2. М.; Л., 1950. С. 216.

⁴ *Бестужев А. А.* Клятва при гробе господнем // Их вечен с вольностью союз. М., 1983. С. 63—68.

⁵ *Раевский В. Ф.* Рассуждение о рабстве крестьян // Там же. С. 214; см. также: *Кюхельбекер В. К.* Путешествия, дневники, статьи. Л., 1979. С. 458.

⁶ *Тарасов Б. Н.* Чаадаев и русская литература первой половины XIX века // *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. М., 1987. С. 3.

⁷ *Григорьев А. А.* Эстетика и критика. М., 1980. С. 177.

⁸ *Чаадаев П. Я.* Философические письма // *Чаадаев П. Я.* Сочинения и письма. Т. 2. М., 1914. С. 111.

⁹ *Его же.* Апология сумасшедшего // Там же. С. 227.

¹⁰ *Костельников В. А.* Литератор и философ // *Киреевский И. В.* Избр. статьи. М., 1984. С. 12.

¹¹ См.: *Веневитинов Д. В.* Несколько мыслей в план журнала // *Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 219, 220; *Хомяков А. С.* О старом и новом // *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1900. С. 19; *Киреевский И. В.* Обзорение русской словесности за 1829 г. // *Киреевский И. В.* Избр. статьи. С. 60—61.

¹² *Аксаков К. С.* Еще несколько слов о русском воззрении // *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 201, 202; см. также: *Григорьев А. А.* Письмо А. И. Кошелеву // *Григорьев А. А.* Материалы для биографий. Пг., 1917. С. 184; *Tutcheff F.* La Parate et la Question Romaine // *Revue des Deux Mondes.* P., 1850. P. 5.

¹³ *Аксаков И. С.* Федор Иванович Тютчев // *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Указ. раб. С. 306.

¹⁴ *Герцен А. И.* Былое и думы // *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 4. М., 1956. С. 134—137.

¹⁵ *Белинский В. Г.* Литературные мечтания // *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу. М., 1983. С. 89, 90; см. также: *Огарев Н. П.* Письмо М. Л. Огаревой // *Огарев Н. П.* Избр. социально-политические и философские произведения. Т. 2. М., 1952. С. 327.

¹⁶ *Чернышевский Н. Г.* Великорус // *Чернышевский Н. Г.* Письма без адреса. М., 1983. С. 307—308.

¹⁷ *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. 1. СПб., 1890. С. 3.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 11.

²⁰ Там же. С. 13.

²¹ *Добролюбов Н. А.* Когда же придет настоящий день? // *Добролюбов Н. А.* Избранное. М., 1985. С. 359.

²² См., например: *Лавров П. Л.* Вперед! Наша программа // *Революционное народничество 70-х годов XIX века.* М., 1964. С. 27.

²³ *Ленин В. И.* Кадеты и националисты // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 158.

²⁴ *Его же.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Там же. Т. 1. С. 154—155.

²⁵ *Его же.* О национальной гордости великороссов // Там же. Т. 26. С. 107.

²⁶ *Его же.* Критические заметки по национальному вопросу // Там же. Т. 24. С. 113.

²⁷ *Мережковский Д. С.* Предисловие // По векам. Сборник статей об интеллигенции и «национальном лице». М., 1909. С. 3.

²⁸ *Голубев В.* Соглашение, а не слияние // Там же. С. 23.

²⁹ См.: *Струве П. В.* Интеллигенция и национальное лицо // Там же. С. 36; *его же.* Полемические зигзаги и несвоевременная правда // Там же. С. 44—45; *Милюков П. Н.* Национализм против национализма // Там же. С. 37—41.

³⁰ *Голубев В.* Интеллигентская обособленность // Там же. С. 20.

³¹ *Соловьев В. С.* Национальный вопрос в России // *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. 5. СПб., 1912. С. 60.

³² *Ивановский В. В.* Патриотическое чувство. Пг., 1914. С. 8, 9.

³³ Там же. С. 8.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 9.

³⁶ Там же. С. 11.

³⁷ Там же. С. 12.

³⁸ Там же. С. 22—50.

³⁹ См., например: *Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М.* Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 258.

⁴⁰ *Ковалевский П. И.* Психология русской нации. Пг., 1915. С. 10.

⁴¹ Там же. С. 10—11.

⁴² Там же. С. 11.

⁴³ Там же. С. 12—13.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ См., например: *Грушин Б. А.* Массовое сознание. М., 1987.

⁴⁶ *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Психология национальности. Пг., 1922. С. 22.

⁴⁷ Там же. С. 25.

⁴⁸ Там же. С. 27.

⁴⁹ *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 396.

⁵⁰ *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945.

- ⁵¹ См.: Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983. С. 173—174.
⁵² Лихачев Д. С. Заметки о русском. М., 1984. С. 7.
⁵³ Там же. С. 8.
⁵⁴ См.: Джарылгасинова Р. Ш., Указ. раб. С. 11.
⁵⁵ Чистов К. В. Этническая общность, этническое самосознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 2. С. 74.
⁵⁶ Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. М., 1986. С. 8, 20.
⁵⁷ Там же. С. 14.
⁵⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М., 1986. С. 4.
⁵⁹ Буганов А. В. Исторические представления русских крестьян XIX в. и развитие национально-го самосознания: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.
⁶⁰ Там же. С. 23.
⁶¹ Там же. С. 24.
⁶² Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 511.

© 1991 г.

Ц. Гительман

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И САМОСОЗНАНИЯ В СССР: ГОСУДАРСТВО В КАЧЕСТВЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНЖЕНЕРА

Вечная проблема, затрагивающая любые общественные отношения, состоит в следующем: как примирить разнообразие со сплоченностью? Каждая семья, соседская община, общественное учреждение, государство сталкивается с задачей гармонизировать разные голоса, сочетать внутренние различия и единство, плюрализм и консенсус. Не всякое государство или общество ставит перед собой такую цель. Некоторые предпочитают стремиться к единообразию, навязывать однородность. Опыт большинства современных обществ, в том числе в СССР и Восточной Европе, позволяет считать, что подобного состояния можно достичь лишь на ограниченное время. В конечном счете всегда возникает необходимость уравнивать различные и даже противоречивые интересы, избегая непримиримых конфликтов. Как представляется, модернизация порождает социальную и функциональную дифференциацию, что стимулирует идейный плюрализм, облегчаемый к тому же все большей свободой внутрикультурных и межкультурных контактов. Хотя ранее достаточно широко было распространено мнение, что модернизация должна уменьшать этнический и культурный плюрализм, современный исторический опыт показывает, что на деле происходит обратное. Примеры тому весьма разнообразны: Бельгия и СССР, Израиль и Канада, Югославия и Великобритания, Ирак и Шри Ланка.

Потребность в сочетании единства с разнообразием особенно очевидна в многонациональных государствах. В Советском Союзе и в странах Восточной Европы эта проблема ждет решения уже много лет. Поскольку до недавнего времени основная масса еврейского населения мира была сосредоточена именно на этой территории, отношение общества к указанной проблеме в значительной степени определило историю и самосознание современного еврейства.

Статус, чаяния и требования этнической группы зависят от взаимодействия трех «действующих лиц»: самой группы, ее общественного окружения и государства. Очевидно, анализ следует начинать с самой группы. Однако весьма часто групповое самосознание во многом определяется тем, как данная группа воспринимается окружением. Каждая группа определяет себя в зависимости